

И. С. НАРСКИЙ

Философия Бертрана Рассела

<Фрагменты>

Бертран Рассел — крупнейший современный английский буржуазный философ, оказавший огромное влияние на теоретическое мышление XX в. в Англии, США и других капиталистических странах. Между тем историки философии нередко сомневаются, есть ли основания утверждать, что существует вполне определенная философия Рассела. От книги к книге меняются его взгляды на те или иные конкретные теоретико-познавательные и общеполитические проблемы. И хотя сам Рассел не ищет удобных случаев для критики своих прежних воззрений, непрерывно совершающийся в его работах процесс изменения формулировок и терминологии, а также сдвига разбираемой им проблематики в новые области знания свидетельствует об эволюции занимаемой им позиции.

Но значительна и содержательна ли эта эволюция? Биограф Рассела Алан Вуд писал, что Рассел — это философ без философии или, лучше сказать, — философ многих, если не всех существующих ныне философий, так что теоретическая его эволюция на протяжении шести десятков лет заключалась в изменении симпатий к различным философским его современникам. Сам Рассел в книге «Мое философское развитие» (1959), подводящей итог его исканиям на протяжении более чем полувека, определял свою эволюцию как переход от пифагореизма (в платоновской его интерпретации) к юмизму* причем наиболее выпукло этот переход совершился в сфере философского исследования основ математического знания. С не меньшим основанием можно сказать, что философская эволюция Рассела протекала в рамках различных истолкований неореализма, — от более ортодоксального к «ослабленному», с включением в него элементов позитивизма и юмизма.

* *Russell B. My Philosophical Development. New York, 1959. P. 208.*

Как бы то ни было, ни Рассел, ни многочисленные исследователи его творчества не настаивают на том, что изменения, происходившие в философии Рассела, свидетельствуют о его полной оригинальности как теоретика. В этом отношении с ними можно согласиться.

Автор этой брошюры считает, что в творчестве Рассела целесообразно выделить следующие основные периоды: 1) неореалистический (1890–1900-е гг.), 2) позитивистский, характеризующийся значительным влиянием на Рассела идей Маха, Джеймса, Витгенштейна и, в меньшей мере, идей «Венского кружка» (1910–1930-е гг.) и 3) юмистский, когда писания английского агностика XVIII в. стали главным источником философского вдохновения Рассела (1940–1960-е гг.). Эта периодизация исходит из того, что история философского развития Рассела — это в значительной мере история смены одних философских заимствований другими.

Но можно ли считать философию Рассела эклектической и устарелой в полном ее объеме? В чем же, если так, секрет широкого воздействия, которое Рассел оказал и продолжает оказывать на многих современных буржуазных философов и студенческую молодежь Запада? Дело в том, что Рассел сумел живо откликнуться на новые проблемы, возникшие в науке в начале XX в., особенно в логике и математике. Вся философская деятельность Рассела от начала и до конца была пронизана одной общей идеей — стремлением эффективно приложить средства и приемы современной математической логики к анализу эмпирического «материала» знания. И эту идею Рассел пытался реализовать с настойчивостью и последовательностью, превосходившими то, что было характерно для многих других британских и континентальных распространителей «логического анализа».

Бертран Рассел — крупнейший представитель философского течения «аналитиков», выросшего из британского неореализма, сомкнувшегося с неопозитивизмом «Венского кружка» и идеями так называемой Львовско-Варшавской школы и превратившегося ныне в чрезвычайно широко распространенную методологию, охотно используемую буржуазными философами самых различных направлений. В то же время сам Рассел предпочитает сохранять интервал, отделяющий его от учеников и сподвижников, и не солидаризируется полностью ни с одним из трех плавнейших течений «логического анализа» второй половины XX в. — американской «аналитической философией», последователями лингвистического учения позднего Витгенштейна и «британскими аналитиками» вроде А. Айера и К. Поппера, испытавшими большее, чем сам Рассел, влияние австрийских неопозитивистов Р. Карнапа и М. Шлика. Но в конечном счете Рассел в духовном отношении достаточно тесно примыкает ко всем названным разновидностям неопозитивизма. Сохраняя

внешнюю независимость от них и критикуя многих их представителей по частным вопросам, Рассел остается общепризнанным душеприказчиком ряда буржуазных философов конца XIX — начала XX в. и учителем целой плеяды последователей, развившихся под его влиянием или, по крайней мере, немало у него заимствовавших. Но Рассел избегает точного определения позиции, занимаемой им в рамках лагеря буржуазных идеалистов. К нему можно в полной мере отнести слова, сказанные его соотечественником неотомистом Ф. Коплстоном о большинстве современных британских философов: они «высказывают явную неохоту ко всякому наклеиванию этикеток. Вообще они хотят просто называться философами <...> И они рассматривают философию как деятельность, которая не обременена мотивом защиты известных доктрин или хотела бы быть этим не обремененной»*. Однако подобные декларации далеко не соответствуют истинному положению дел. Как мы увидим, философия Рассела в высшей степени отягощена грузом идеалистических ошибок прошлого и представляет собой новейшую модификацию позитивистской и скептической разновидности идеализма.

Конечно, Бертран Рассел не только философ. Он широко известен в наши дни и как буржуазно-либеральный идеолог, как противник атомной войны и поборник всеобщего разоружения. Но не это является главной темой настоящей брошюры, которая имеет своей целью критически осветить только философское творчество Рассела и притом лишь в главнейших чертах.

Формирование мировоззрения Бертрана Рассела происходило на рубеже двух столетий. Он родился в 1872 г. в семье богатейшего лорда Англии Бедфорда, а впоследствии и сам получил лордство. В Кембриджском университете Б. Рассел изучал математику и философию, а в 1910 г. сам стал преподавать. Его наибольшее внимание привлекли проблемы логического обоснования математики, но интересы Рассела были более широки. Он живо откликался на всевозможные общественные вопросы и широкую известность первоначально получил не своими теоретическими работами, но публицистическими статьями.

Эволюция философских взглядов Рассела, прежде чем к 1940-м гг. он стал признанным «патриархом» английской буржуазной философии и наиболее авторитетным представителем «британского анализа», была длительной. В начале ее, то есть на рубеже XIX и XX вв., он был близок к английскому гегельянству, то есть абсолютному идеализму с платоновским оттенком, что видно, например, по его сочинению «Критическое изложение философии Лейбница» (1900).

* Copleston F. Der frühe und der späte Wittgenstein. Münster, 1957, S. 1.

Но в конце 1898 г. Рассел и Мур «восстали» против гегельянства. В процессе своей последующей эволюции Рассел испытал воздействия со стороны неореалистов Мейнонга, Уайтхеда и Мура, а также Э. Маха. Немалую роль в изменении взглядов Рассела сыграл взаимобмен его идеями со своим учеником, а затем философским соратником Л. Витгенштейном. Если неореалистический период в творчестве Б. Рассела обычно относят к началу XX в., когда его ставят в один ряд с Александром и в особенности — Муром, то, с другой стороны, с известным правом всю философскую эволюцию Рассела можно расценивать как происходившую в рамках неореализма и заключавшуюся во все большем сужении областей реальности, которым приписывалось самостоятельное бытие: если вначале учение Рассела об универсалиях (общих понятиях) было родственно учению Платона об идеях как особой реальности, то завершилась эта эволюция допущением теоретически признаваемой реальности лишь у ощущений субъекта, сначала в духе Э. Маха, а затем Д. Юма. Характерно, что в статье «Логический атомизм» (1918) Рассел заявил, что стал сторонником юмовского скепсиса еще до чтения им Юма.

Парадокс Рассела.

Проблема соотношения математики и логики

Развитие философских взглядов Рассела нельзя ясно представить и правильно понять вне хотя бы сжатого рассмотрения тех логико-математических идей, которыми увлекся Рассел, особенно в первом десятилетии своего творчества. Начнем рассмотрение этих идей с анализа так называемого «парадокса Рассела» (1902).

На рубеже XIX–XX вв. Бертран Рассел заинтересовался проблемами логического обоснования математики и познакомился в этой связи с сочинением крупного немецкого логика и математика Готлоба Фреге «Основные законы арифметики», которое в течение двух десятилетий не обращало на себя должного внимания логиков и математиков. В результате изучения этого труда Рассел открыл логический парадокс, о котором он поставил Фреге в известность, что, заметим, оказалось для последнего неприятной неожиданностью, т. к. обнаружилось, что его исследования таят в себе внутренние логические противоречия. Данный парадокс и получил наименование «парадокса Рассела».

Рассмотрим содержание парадокса Рассела. Как известно, в обычном языке можно говорить о предметах, о тех «или иных свойствах предметов и отношениях между предметами, а также между их свойствами, а кроме того, о свойствах свойств, о множествах предметов, о свойствах множеств предметов и т. д. Поскольку

можно говорить, в частности, о свойствах свойств, можно провести в этом отношении некоторые наблюдения. Оказывается, что некоторые свойства можно приписывать самим этим же свойствам; в иных случаях этого не бывает.

Приведем пример. Например, свойство «быть абстрактным» само является абстрактным. Однако если мы будем рассматривать свойство «быть конкретным», то это свойство уже отнюдь не конкретно, но тоже абстрактно, ибо, «рассуждая об этом свойстве, мы говорим о конкретности вообще. Если мы теперь назовем все такие свойства, которые к себе не относятся, т. е. не присущи сами себе, «нормальными» и сформулируем затем вопрос, «является ли нормальным свойством свойство быть нормальным свойством?», то в этом случае возникает парадоксальное положение, ибо какой бы мы ни дали ответ, положительный или отрицательный, оказывается, что из этого ответа немедленно вытекает ответ, ему противоположный.

Парадокс Рассела может быть сформулирован также и в объемных терминах как вопрос о том, является ли несамосодержащим (то есть не включающим себя самого в число своих членов) множество всех несамосодержащих множеств.

Поясним парадокс Рассела на наглядном примере, который приводит сам его автор. Некий деревенский парикмахер получил строгий приказ брить всех тех жителей деревни, которые сами не бреются, и при этом брить только своих односельчан и никого другого. Спрашивается, должен ли этот парикмахер брить самого себя? Нетрудно увидеть, что здесь не подходит ни положительный, ни отрицательный ответ, так как каждый из них приводит к противоположному ответу.

Приведем еще один пример, который может быть вычитан из II тома «Дон Кихота» Сервантеса. Санчо Панса оказался в затруднительном положении, когда надо было решить, как поступить с человеком, заявившим, что он шел через мост, чтобы попасть на виселицу (согласно ранее изданному распоряжению, смертной казни через повешение подлежал всякий, кто, переходя через этот мост, не сообщит правдиво конечного пункта своего путешествия).

Поскольку указанный парадокс, затрагивающий фундаментальные основы теории множеств, был обнаружен, возник вопрос о нахождении способа его устранения из логики и математики. Рассел пришел к выводу, что парадокс, получивший его имя, в той или иной мере родствен целому ряду других, ранее открытых антиномий, в том числе такой древней, как антиномия «лжец», о которой рассуждали еще логики так называемой Мегарской сократической школы*.

* Точная формулировка антиномии «лжец» может быть дана так: некто произносит фразу «я сейчас лгу»; спрашивается, сказал ли он правду или же ложь?

Этот ряд антиномий вызван, как рассудил Рассел, неточностями в употреблении теоретического языка той области знания, к которой каждая из этих антиномий относится. Иными словами, эти антиномии носят «языковый» характер. Это утверждение Рассела сыграло важную роль в последующих его философских рассуждениях и, в частности, при решении им вопроса о предмете философии.

Для исключения из логики и математики антиномий Рассел предложил так называемую «теорию типов», вносящую изменения в употребляемый в этих науках язык. Заметим, что первоначальная идея теории типов была высказана еще до Рассела немецким математиком Э. Шредером. В чем состоял основной смысл теории типов Рассела? Смысл ее состоял в том, что все предметы, о которых ведется рассуждение, должны строго разграничиваться по их типам, так что возникает так называемая иерархия типов.

К первому типу в этой иерархии будут отнесены все отдельные индивидуумы, о которых в том или ином случае идет речь (под индивидуумами или индивидуальными предметами могут пониматься как вещи, так и понятия и т. д.). Ко второму типу относятся свойства индивидуальных предметов, к третьему типу — свойства свойств и т. д.

В своей теории типов Б. Рассел запрещал приписывание свойств данного типа свойствам того же типа. В результате вышеуказанная антиномия (парадокс Рассела) преодолевается, так как вопрос, в ней поставленный, не имеет уже права быть поставленным.

Теория типов была развита Расселом в его совместном с А. Н. Уайтхедом труде «Principia Mathematica», относящемся к 1910–1913 гг. В этой работе Рассел и Уайтхед поставили перед собой задачу более широкую, чем задача логико-языкового устранения антиномий. Эта вторая, более широкая задача является расширением первой, а именно: она заключалась в попытке уточнения общей логико-языковой основы математики путем *сведения математики к логике*. В этом отношении Рассел продолжил идеи, высказанные Г. Лейбницем, а затем Г. Фреге, и выступил в роли основателя так называемого логицистского течения в обосновании математики. Логика, заявил Б. Рассел, это «молодость математики», а математика — «зрелость логики».

Добиться сведения математики к логике было важно для Рассела, с точки зрения его философских стремлений превратить математическую логику в своего рода универсальную науку. Сама по себе попытка такого сведения еще не означает идеализма. Общеизвестно, что идею выведения математики из логики высказывали как идеалист Г. Лейбниц, так и материалист Н. Г. Чернышевский.

Конкретная философская оценка попытки сведения математики к логике зависит от предварительного выяснения, как именно данный теоретик понимает логику и, соответственно, математику.

Рассел отдал много сил попыткам интерпретации математики в формалистическом духе. Он стремился свести математику к возможно малому числу исходных формальных элементов, на базе которых было бы построено затем все ее здание как своего рода логическая конструкция. Расселу казалось, что математика есть «чистая», то есть независимая от чувственного опыта, теория и в ней имеются константы только *логического характера*.

Каково же было понимание логики Б. Расселом? Рассел истолковывал логику как своего рода «априорную» науку в том смысле, что логика якобы абсолютно независима от сенситивного опыта и ее законы и правила якобы не отражают свойств и отношений чувственно-воспринимаемого мира. Этот взгляд на логику соответствовал как неореализму, так и неопозитивизму. Так называемые логические истины, т. е. законы логики, Рассел определял как абсолютно аналитические суждения или «тавтологии». Он понимал их как генетически абсолютно не зависящие от опыта формы, в которые может быть влито затем при вещественной интерпретации положений логики, а на этой основе и математики, любое эмпирическое содержание. Таким образом, Рассел в логике и философии продолжил традицию отрыва формы от содержания, одну из главных, исторически предшествовавших Расселу, представителем которой был И. Кант.

Для философии логики и математики Рассела был характерен «априоризм» не в узко кантовском, а в более широком смысле постулирования независимости логики от чувственного опыта.

Понятие «априоризма» претерпело у Рассела сложную эволюцию. Первоначально, на рубеже XIX–XX вв. Б. Рассел истолковывал «априорное знание» в смысле, близком к понятию вневременных идей Платона. Это решение вопроса о существовании логических универсалий было связано у Рассела с мотивами неореализма, постулирующего наличие различных «слоев бытия», из которых каждый существует самостоятельно и в своем роде. Существование универсалий своеобразно: они будто бы и не материальны и не духовны. Они «*подсуществуют* (subsist) или *бывают* (have being), «причем “бывание” противоположно “существованию”, будучи вневременным <...> Мир бывания неизменяем, жесток, точен»*. К числу «априорных» универсалий Рассел отнес логические отношения** и всеобщие чувственные качества («белизна», «твердость» и т. д.), отношения пространственные и временные.

Позднее, по мере эволюции к неопозитивизму, Рассел стал сближать понятия «априорный» и «фиктивный». Б. Рассел пошел по пути сенсуалистического номинализма. Однако в 1940–1950-х гг.

* Russell B. The Problems of Philosophy. London, 1957. P. 100.

** Ibid. P. 90.

Рассел усилил акцент на тезис о существовании биологически «априорной» веры во внешний мир и вновь стал «отходить от номинализма».

В связи с проблемой априоризма Рассел занялся специальным анализом понятия *логической формы*. Само это понятие отнюдь не было впервые введено Расселом, им пользовался уже И. Кант. Под логической формой Рассел в своем «Введении в математическую философию» и в других работах понимал в предложениях, анализируемых логикой то, что остается тем же самым, несмотря на изменение всех элементов предложения по содержанию. Если, например, у нас имеется предложение xRy , где x означает «первый город», y — «второй город», а R — отношение «быть к западу от...», то можно заменить значения x и y на «первая река» и, соответственно, — «вторая река», а R принять в значении «быть длиннее, чем...»; тем не менее форма обоих предложений оказывается той же самой xRy .

Для исследований Рассела характерно в этом отношении то, что он, Рассел, осуществлял эти исследования на материале уже не старой традиционной формальной логики, а на материале математической (символической) логики, в которой произошла существенная перестройка прежней субъективно-предикатной формы предложений и было введено понятие так называемых логических переменных. При анализе логической формы Рассел четко разграничил так называемые логические константы (постоянные), с одной стороны, и логические переменные — с другой.

Логические константы — это термины, которые специфичны для самой логики и в обычном языке выражаются с помощью слов «и», «или», «если... то», «не», «все», «некоторые», «один и самое большее один» и др., а в логических исчислениях при символической записи являются знаками таких операций, как конъюнкция, дизъюнкция, импликация, отрицание и т. д. Рассел провел метафизически резкую границу между логическими постоянными и внелогическими, т. е. эмпирическими постоянными. Последние употребляются в науках, имеющих эмпирическую основу, и представляют собой символическое обозначение возможных фактов чувственного опыта (например, гравитационная постоянная и т. д.).

Само по себе учение Рассела о логической форме было шагом вперед в дальнейшем развитии символической логики, однако оно было связано им с метафизической абсолютизацией полученных выводов. Рассел абсолютизировал целесообразную для формальной логики «идеализацию» действительного положения вещей в мире, «идеализацию» в том смысле, что вещи и отношения между ними в процессе формализации неизбежно упрощаются, поскольку логик

условно отвлекается в той или иной мере от изменений в предмете мысли, от факта бесконечности различных связей и опосредований между предметами и т. д.

Кроме того, для устремлений Рассела характерно, что он искал одну-единственную, раз навсегда данную, максимально совершенную логическую систему, «идеальный логический язык», в качестве которого, как он надеялся, и должна выступить система, разработанная в книге «Principia Mathematica».

Рассел пытался обнаружить такие логические операции, которые позволяли бы автоматически отличать «тавтологии», т. е. законы логики, определяющие в его логической системе свойства логических констант, входящих в те или иные утверждения, от предложений, которые законами логики не являются. Если бы Расселу удалось это сделать, он нашел бы чудодейственное средство, позволяющее ученым, совершенно не обращаясь к практике, указывать на положения, безусловно носящие всеобщий характер и справедливые, если использовать выражение Г. Лейбница, «для всех возможных миров». Но это был метафизический и идеалистический замысел, неизбежная обреченность которого на неудачу была доказана впоследствии (1936) американским математиком Чёрчем.

В какой мере Рассел продвинулся вперед в своих попытках свети математику к логике? Рассел пытался реализовать этот свой замысел на материале обычной содержательной арифметики, однако, как показывает анализ труда «Principia Mathematica», он не смог избежать в этой системе утверждений, которые высказывают нечто определенное о действительном мире, а не о мире чисто логических отношений. Таким является, например, утверждение о том, что число вещей в мире бесконечно. Это утверждение отнюдь не является логической тавтологией, тем не менее, если его не принять, построение арифметики как формальной системы невозможно. Таким образом, как и следовало ожидать, Расселу отнюдь не удалось сведение арифметики к логике «нацело». Тем более это должно быть сказано о других, опирающихся на арифметику, отделах математики* <...>

Заключая сказанное выше, в логико-математических исследованиях Рассела можно выделить две идеи, важные с точки зрения анализа его философской эволюции, а именно: во-первых, что логико-математические парадоксы обладают языковой («семантической») природой и, во-вторых, что целью исследования философских основ математики должно быть сведение математики к логике, понимаемой как абсолютно внеэмпирическая система. Обе эти идеи, из которых первая была односторонней, а вторая — вообще неверной, ока-

* Незначительные сокращения относятся к отступлениям. — *Прим. науч. ред.*

зались находкой для логического позитивизма, который стремился подменить содержательное решение проблем чисто «языковым», а формальное знание объявил абсолютно независимым от «фактического» знания.

Парадокс «существования».

Проблема соотношения материала науки и структуры логики

Главная роль, которую сыграл Рассел в буржуазной философии эпохи империализма, заключалась в том, что он в значительной степени содействовал становлению и пропаганде идей логического позитивизма, в особенности в его британской разновидности. Что же Рассел для этого сделал?

Во-первых, Рассел истолковал в позитивистском духе некоторые свои собственные результаты из области логико-математических исследований. Во-вторых, Рассел, выступив с критикой слишком «крайних» субъективистских выводов деятелей «Венского кружка» и отклонив их конвенционализм и физикализм в наиболее догматических формулировках, помог этой критикой австрийским, а затем американским неопозитивистам до некоторой степени «усовершенствовать» свою доктрину и избежать полного ее разгрома материалистами уже в 1930-х гг. Наконец, в-третьих, Рассел выдвинул такие философские концепции, которые оказались, по сути дела, вариантом неопозитивизма как такового: это были учения о задачах философии, о логическом атомизме и нейтральном монизме.

Рассмотрим указанные три пункта последовательно.

О позитивистском истолковании каких логико-математических идей Рассела идет речь? Кроме уже названных в первом параграфе настоящей брошюры, следует здесь указать на выводы Рассела из его учений о так называемых дескриптивных определениях и о неполных символах, а также на истолкование Расселом понятия «факт».

Учение Рассела о дескрипциях (описаниях) по своему содержанию весьма многосторонне. Нас интересует здесь только тот аспект учения о дескрипциях, который непосредственно относится к вопросу о роли Рассела в развитии неопозитивизма.

Гносеологические идеи, которые Рассел высказал в связи с разработанной им теорией дескрипций, исходили из тех же предпосылок, что и теория познания основателя австрийского варианта неопозитивизма — М. Шлика. Если Шлик утверждал, что познание начинается с обозначения явлений словами, которые играют роль условных символов, то Рассел пришел к выводу, что именование вещей и последующее их описание (description) — это один из главнейших видов познания, а замена имен-символов описаниями признаков ве-

щей (также посредством символов) — одна из наиболее важных познавательных операций.

В своей теории дескрипций Рассел указывал на то, что возможность заменять в языке собственные имена (например, «Вальтер Скотт») описаниями (например, «автор “Веверлея”») и наоборот приводит к иллюзии, будто каждому описанию непременно соответствует реально существующий предмет. Однако в действительности, рассуждал Б. Рассел, функции имен и описаний не совпадают, ибо «есть такие моменты, которые не могут быть выражены посредством замены собственных имен дескрипциями»^{*}. Если в речи употребляется имя, то должен быть предмет, именем которого и является данное имя как словесный «представитель» вещи. Если нет именуемого предмета, то употребление имени теряет смысл. «Имена должны прилагаться к тому, что испытано в опыте»^{**}. Поэтому такое утверждение, например, как «Пегас не существует», оказывается внутренне противоречивым. На самом деле, коль скоро Пегас не существует, то у него и не может быть имени, а потому не может быть и предложения, в котором имя «Пегас» играло бы роль подлежащего. Если же имя «Пегас» все же использовано как имя существительное в качестве грамматического и логического подлежащего, то следовательно, к чему это имя приложено, т. е. Пегас существует, и рассматриваемое предложение ошибочно.

Было бы, однако, заблуждением полагать, что простой выход из возникшего затруднения состоит в том, чтобы указать на специфику того предмета, который обозначен именем «Пегас» <...>

Однако приведенное соображение отнюдь не дает выхода из парадоксальной ситуации, поскольку оно приводит к построению предложения «Пегас (как мифологический образ) существует», между тем как рассмотрению подлежит совсем иное предложение: «Пегас не существует». Поэтому Рассел со всей категоричностью писал: «Сказать, что кентавры существуют в геральдике, в литературе или же в воображении — это самая жалкая и путаная увертка»^{***} <...>

Итак, неограниченное применение имен как подлежащих приводит к значительным трудностям. Что же касается описаний (дескрипций), то их можно прилагать и к неопределенным по своему объему классам предметов, как например, «молекулы, составляющие Луну на всем протяжении ее истории», и к пустым классам, как например, «золотые горы», и к классам с единственным и притом пустым элементом, как например, «Пегас», «король современ-

^{*} Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957. С. 113 (перевод уточнен. — И. Н.).

^{**} Там же. С. 116.

^{***} Russell B. Introduction to Mathematical Philosophy. London, 1919. P. XVI.

ной Франции» и т. д. Столь значительная свобода в употреблении описаний проистекает, по Расселу, от того, что «описания состоят из предикатов, а каждый из предикатов отнюдь не обязательно предполагает наличие описываемого предмета; но описания предполагают, безусловно, существование входящих в описания предикатов (признаков). Существование приписывается в этом смысле тому, что описывается, а не тому, что лишь имеет имя (название). «Существование» применимо только к дескрипциям»*. Существование, следовательно, относится не к предметам непосредственно, но к их описываемым свойствам (предикатам). Так, если мы окажем, что «существуют собаки, летавшие в космос и вернувшиеся оттуда обратно на Землю», то этим будет сказано, что предикат «быть собакой, летавшей в космос и благополучно оттуда возвратившейся», действительно может быть приписан некоторым предметам («Белке», «Стрелке» и т. д.), т. е. что он не пуст. Составляющие дескрипцию предикаты могут, однако, не иметь предмета, которому они принадлежали бы. Так, предикат «быть четным простым числом, большим, чем три», не может быть приписан никакому числу, то есть этот предикат входит в дескрипцию, не описывающую предмета, который существовал бы.

Было бы ошибкой усматривать в подчеркивании Расселом различия в оперировании именами и описаниями стремление к метафизическому противопоставлению первых и вторых, к их взаимоотрыву. Наоборот, его указание на существенные логические различия, возникающие при оперировании именами и описаниями, представляет собой несомненную научную заслугу английского логика. Конечно, в обычной речи при употреблении имен подразумеваются не просто именуемые предметы, но предметы, обладающие более или менее определенными признаками, а при употреблении описаний имеются в виду не пустые классы. Однако в формальной логике при условии формализации признаков предметов далеко не все то, что «подразумевается» в обычной речи, получает свою фиксацию и выражение. Остается временно незафиксированной в формализованном языке, в частности, внутренняя связь между собственным именем и дескрипцией. Это позволяет, однако, оперировать четко и определенно тем, что уже зафиксировано. Видеть в этом только недостаток было бы столь же ошибочно, как и усматривать в этом лишь исключительное достоинство.

Как бы то ни было, различие между собственными именами и описаниями помогло Расселу указать определенный способ преодоления той парадоксальной ситуации, которая возникает при ло-

* *Russell B. Mysticism and Logic and Other Essays. London, 1932. P. 175.*

гическом анализе предложений о несуществовании тех или иных предметов.

Свой «выход» из положения, заметим, предлагал австрийский неореалист А. Мейнонг, с работами которого Рассел был хорошо знаком. Мейнонг отнес Пегаса, как и прочие аналогичные ему «предметы», в состав класса несуществующих вещей, которые существуют именно как несуществующие. Иными словами, Мейнонг полагал, что «несуществование» есть особый вид существования. Это разрешение вопроса было явно надуманным и приводило к мистическим спекуляциям, почему и не могло удовлетворить Б. Рассела.

Проблема существования несуществующих вещей заинтересовала Б. Рассела в связи с проблемой, является ли «существование» и, соответственно, «несуществование» признаком предмета, т. е. в логике — предикатом, приписываемым субъекту предложения. Для решения этих взаимосвязанных друг с другом проблем Рассел использовал обычную для исчисления предикатов в символической логике форму записи предложений. В результате этого предложение « a не существует, где a — постоянная, обозначающая некоторый предмет, например, Пегас, будет заменено предложением: $(Ax \times Bx)$, где в качестве субъекта слово «Пегас», а в качестве предиката оборот «не существует» уже не фигурируют. В новом предложении роль субъекта (x) исполняет переменная x , связанная квантором существования (\exists), а предикатами являются признаки, входящие в состав описания (дескрипции) Пегаса. Согласно этому, A означает свойство «быть конем», а B — «быть крылатым». Все предложение в целом может быть прочитано так: «имеется термин c , такой, что $c = x$, а совместное утверждение, что некоторому x присуще свойство “быть конем” и ему же присуще свойство “быть крылатым”, всегда, т. е. при всех значениях x , ложно».

Сама по себе замена предиката «не существует» (соответственно, «существует») квантором существования ($\exists x$) допустима. Кроме того, с узкой точки зрения формальной логики, любой предмет, коль скоро он рассматривается, рассматривается как уже данный, и вопрос о том, существует ли этот предмет объективно, к самой формальной логике не относится. С этой точки зрения важно не то, существует ли или не существует на самом деле Пегас, но лишь то, совместимыми или не совместимыми следует считать признаки, приписываемые Пегасу.

Однако Рассел допустил существенную ошибку, подвергнув указанную логическую операцию позитивистской философской интерпретации, которая состояла в том, что Рассел, а вслед за ним Айер, Шлик и другие логические позитивисты стали утверждать, что «существование» вообще не должно фигурировать в качестве предиката

в предложениях, т. е., иными словами, существование всегда не есть признак. Отрицание того, что «существование» есть признак, означает, что и в теории познания и в науке вообще состав наличного знания отнюдь будто бы не изменяется от того, что тому или иному предмету будет приписан предикат «существования» (или «несуществования»). Рассел заявил, что «существование» следует удалить из состава фундаментальных философских понятий*. Следовательно, он «разрешил» проблему существования, просто-напросто исключив ее, для чего конвенционально изменил «язык» науки.

Как можно показать в результате более подробного анализа, Рассел в данном случае подменил два понятия — «объективное существование» и «существование в сознании» — объемлющим их широким понятием «существование вообще», а последнее отождествил с понятием «существование в форме логического знака или существование в мышлении логика». Но это и есть операция, характерная для позитивизма. В свое время эту операцию в несколько ином варианте (в котором «существование» не выступает в роли предиката) предпринял Е. Дюринг, который попытался заменить понятие «материальное бытие» и «бытие в сознании» объемлющим понятием «бытие вообще». Дюринг заявил, что единство мира заключается в его бытии, имея в виду именно «бытие вообще». Эта точка зрения подверглась критике со стороны Энгельса, показавшего враждебность ее материализму. О принципиальном значении этой критики напоминает В. И. Ленин в труде «Материализм и эмпириокритицизм».

Стоит обратить внимание на то, что операцию отождествления различных понятий «существования» Б. Рассел проводил под фальшивым флагом защиты им понятия «реального существования». «Существует только один “реальный” мир, — писал он, — изображение Шекспира — его часть; аналогично реальны мысли, которые он имел, когда писал “Гамлета”. Точно так же реальны мысли, которые мы имеем, читая эту трагедию <...> Чувство (реальности очень важно в логике; и если кто им жонглирует, стараясь доказать, что Гамлету присущ иной вид реальности, тот оказывает злую услугу мысли»**. На поверку, однако, оказывается, что мысли и внешний мир *одинаково* реальны для Рассела постольку, поскольку они существуют вообще, или, как он выражается, «в качестве описываемых предметов».

Подмена объективного, с одной стороны, и субъективного, с другой стороны, видов существования «существованием вообще» в рассуждениях Рассела появилась отнюдь не случайно. Эта подмена

* Ibid. P. 176.

** Russell B. Introduction to Mathematical Philosophy. London, 1919. P. XVI.

представляет собой своеобразный формально-логический вариант той процедуры, которую осуществили в свое время махисты, пытавшиеся растворить материальную реальность и ощущения субъекта в некоем «нейтральном бытии», которое не было бы ни материальным, ни идеальным. Перед нами позитивистская тенденция со всеми вытекающими отсюда последствиями. Идеи Э. Маха (как, впрочем, и идеи У. Джеймса и Дж. Дьюи) оказали здесь несомненное влияние на Б. Рассела.

Для Рассела, как и для Маха, характерны колебания между идеалистическими и материалистическими положениями. Это хорошо видно по учению Рассела о «существовании». В заключительном разделе его книги «Введение в философию математики» (1919) мы читаем: «Как нам кажется, мы должны прийти к выводу, что существование мира случайно, то есть не является логической необходимостью <...> Полностью обоснованными предложениями логики будут все такие, которые утверждают, что некоторая функция-предложение *всегда* истинна. Так, например, всегда истинно, что если p имплицирует q , а q имплицирует r , то p имплицирует r , или же если все α суть β и x есть α , то x есть β . Такие предложения в логике находятся, и их истинность независима от существования вселенной. И мы можем утверждать, что если бы не было никакого мира, все общие предложения были бы истинны; ибо отрицание общего предложения <...> есть предложение, утверждающее существование, и оно всегда было бы ложно, если бы не существовало никакой вселенной»*. В последней фразе приведенной нами цитаты в первом случае речь идет о «существовании» в чисто логическом смысле (существование в кванторе), а во втором — подразумевается объективное существование мира.

С другой стороны, Рассел неоднократно заявлял о том, что «объективность» — понятие крайне относительное и есть вопрос лишь «степени».

Учение Рассела о дескрипциях связано с его концепцией неполных символов. С точки зрения Рассела, такие выражения, как « X есть объект», не имеют никакого познавательного значения. Термин «объект» является здесь так называемым «неполным символом»; он приобретает определенное значение только в том случае, когда к нему присоединяют указание на свойства объекта (например, если скажем: « X есть кубический объект»). В этом случае

* Ibid. P. XVII. Имеется в виду, что $(\exists x)(Ax)$ противоречит предложению $(\forall x)(Ax)$ и ложно, если всегда истинно, где под x может быть поставлена любая постоянная (т. е. если никакого x не существует с утверждением в кванторе). A — некоторое свойство; \forall — квантор общности.

неполный символ (слово «объект») превратился в полный символ («кубический объект»).

Прав ли здесь Рассел? Рассел прав постольку, поскольку в формальной логике всякий предмет логического рассмотрения уже в силу самого факта этого рассмотрения является «объектом» анализа, так что если мы говорим о каком-то X или фиксируем его в виде символа на бумаге, мы уже имеем тем самым дело с неким объектом. В этом смысле утверждение « X есть объект» действительно не содержит никакого знания. Однако Рассел совершил ошибку, перенеся данное рассуждение в теорию познания, т. е. в философию, и подменив понятием «объект вообще» в специфическом его формально-логическом смысле два принципиально различных понятия, которые фигурируют в гносеологии, а именно — «мыслимый объект» и «независимо от субъекта существующий объект».

Таким образом, как для учения Рассела о дескрипциях, так и для его концепции неполных символов характерно отождествление объективного и субъективного, замена их общим понятием «данности» тех или иных суждений, терминов и т. д. в форме элементов содержания сознания логика или же в форме воспринимаемой сознанием записи.

В тесной связи со сказанным выше стоит интерпретация Расселом понятия «факт». «Фактом» в формальной логике является то, что делает данное суждение истинным или ложным. Поэтому фактом может быть некоторое состояние материальной вещи, изменение этого состояния, состояние сознания человека и изменение состояния сознания; фактом может быть, далее, предложение о каком-либо ином факте и т. д. Различия между возможными значениями «факта» в принципе для формальной логики не существенны, хотя логик, разумеется, не должен путать событие и предложение об этом событии. Однако эти различия принципиально важны для изучения в теории познания. Рассел же стал употреблять понятие «факты» в самом широком значении в своих гносеологических рассуждениях, в том числе как воображаемые «общие» и «отрицательные» факты. Так в его философии возникло понятие «нейтрального факта», который, по замыслу, не был бы ни материальным, ни идеальным, но на поверку оказывается не чем иным, как лишь некоторым состоянием сознания логика.

При этом Рассел поставил понятие «факта» в зависимость от понятия «веры». «Я, — писал он, — называю фактом то, что делает верование истинным или ложным. Иными словами, “факты” подтверждают не знания, но всего лишь “верования”^{*}, а истина производна от “веры”».

^{*} *Russell B. The Analysis of Mind. London, 1924. P. 232.*

Перейдем ко второму пункту относительно роли Рассела в становлении и развитии логического позитивизма.

Б. Рассел никогда не соглашался в полной мере с утверждением Р. Карнапа (одного из лидеров «Венского кружка») относительно того, что походные положения логики и математики (аксиомы и правила вывода) и начальные положения наук являются продуктом произвольного соглашения ученых друг с другом, т. е. результатом конвенции. Даже в тех случаях, когда Рассел сам склонялся к пониманию истин логики как неких фикций, он все же не принял конвенционалистское учение в полной мере. В дальнейшем же, в 1940–1950-х гг., например, в книге «Исследование значения и истины» (1940), а также в обобщающей работе «Человеческое познание» (1948), Рассел заявлял, что конвенционализм ведет к солипсизму, а потому неприемлем. Рассел задал австрийским неопозитивистам такой язвительный вопрос: если они считают, что ледниковый период — это чисто условная теоретическая конструкция, полученная на базе ранее принятых логических конвенций, то почему бы в таком случае не считать, что логической конструкцией и не более того являются и ныне умершие родители деятелей «Венского кружка»? Рассел не принял неопозитивистского определения истинности как логической взаимосогласованности предложений в системе (понятие «когеренции»).

Неореалистическая позиция Рассела в начале XX в., а также возвращение Рассела ко все более правоверному юмизму с его признанием «веры» в существование внешнего мира — все это, конечно, не могло быть согласовано с конвенционализмом.

Следует иметь в виду, что понятие веры (belief) Рассел считал центральной проблемой анализа духа, утверждая, что вся интеллектуальная жизнь состоит из верований, а предложениям науки истинность или ложность присуща лишь постольку, поскольку она присуща верованиям ученых, которые (верования), в свою очередь, истинны тогда, когда они «*корреспондируют*» с фактами, то есть им соответствуют. Под верой, или верованием, Рассел, ссылаясь на прагматиста Джемса, понимал «чувство реальности», происхождение которого «очень темно». В книге «Мое философское развитие» Рассел называет веру «состоянием организма», принципиально не поддающимся теоретическому анализу.

Не принял Рассел также и физикализма «Венского кружка» в его крайней форме, т. е. как утверждения о том, что предложения всех наук должны быть переведены в предложения, состоящие только из терминов, употребляемых в физике. Рассел быстро обнаружил непереводаемость содержания различных наук на термины одной только науки — *физики* — и стал говорить об относительном, опо-

средованном и неполном сведении (редукции) предложений разных наук к математической физике. К такой мысли пришли, впрочем, в 1940-х гг. и лидеры «Венского кружка».

Рассел был солидарен с «Венским кружком» в понимании верификации как критерия истины: «верификация всегда состоит в появлении ожидаемых чувственных данных»*. Но он не принял отождествления истинности и проверяемости, которое было характерно для Шлика и Карнапа в 1920-х — начале 1930-х гг.

Наконец, Рассел не согласился с безоговорочным утверждением деятелей «Венского кружка», что вся старая философия есть собрание мнимых проблем (так называемых «псевдопроблем»). Если неопозитивист Г. Фейгль назвал философию «болезнью», то Рассел назвал «современной болезнью» боязнь философской теории. Впрочем, сам Рассел то и дело пользовался понятием псевдопроблемы в смысле рекомендации воздержаться от решения той или иной проблемы, будь то «за», будь то «против». Он лишь не употреблял при этом самого термина «псевдопроблема». В связи с этим обратим внимание на следующее его рассуждение: «Отрицать субстанцию или субстрат явлений не необходимо, целесообразно лишь воздержаться от утверждения этой не-необходимой сущности»**.

Но какое именно понимание предмета и задач философии сложилось у Рассела? Все то, что нам уже стало известно в философских и логических идеях Рассела, позволяет теперь разобратся в его воззрениях на сущность философской деятельности.

Если в «Проблемах философии» (1912) он считал, что философия отличается от специальных наук только критицизмом, то затем его взгляды изменились. Сущность философии, заявил Рассел, это формальная логика. В статье «Научный метод в философии» (1914) он утверждал даже, что философия «не отличима от логики». Это значит, что предметом философии, по Расселу, должен стать формально-логический анализ структуры, т. е. «языка» наук, не претендующий на открытие новых истин. Впрочем, уже в «Проблемах философии» Рассел истолковывал философский «критицизм» в том смысле, что философия не должна рассчитывать на то, чтобы получать определенные ответы на свои вопросы. С точки зрения неореалиста Дж. Мура, логический анализ должен выявлять различные варианты словоупотребления в повседневном языке; с точки зрения Б. Рассела, философия должна стать логической критикой как повседневного языка, так и языка теоретического, языка наук и языка традиционной философии. Рассел допускает, что не все собственно философские проблемы имеют чисто языковый характер. Однако он

* *Russell B. Our Knowledge of the External World. London 1952. P. 89.*

** *Russell B. Mysticism and Logic. London, 1932. P. 155.*

неоднократно подчеркивал, что если что-либо и может быть сделано с целью окончательного прояснения этих проблем, то прежде всего лингвистическим и формально-логическим их анализом. Если математика, начиная с простых предложений, дедуктивно синтезирует все здание своей науки, то философия, по Расселу, «начиная с данных, являющихся повседневым (common) знанием, стремится их очистить и обобщить в простейшие утверждения абстрактной формы, которые могут быть из них получены логическим анализом»^{*}. Было бы неверно считать, что Рассел, поскольку он истолковывает философию как формально-логический анализ, просто-напросто отождествил тем самым философию и логику. Формальная логика в ее символическом виде рассматривается им как основное средство и как один из объектов философского исследования.

Философия, согласно Расселу, не может быть по своим подлинным возможностям мировоззрением и, в частности, судить о тенденциях развития мира. «Не философу говорить, прогрессивна, ретроградна или стоит на одном месте вселенная»^{**}. Хотя «все в природе находится, по-видимому, в состоянии непрерывного изменения»^{***}, общее направление этих изменений не поддается, по Расселу, объективной оценке: то, что кажется человеку прогрессом, амеба сочтет, возможно, за регресс. Рассел не хотел понять при этом, что отнюдь не объективным, но глубоко субъективистским является его стремление поставить на одну доску интересы людей и таких примитивно организованных существ, как амебы (в отношении последних понимая «интересы» как то, что вызывает улучшение условий жизни амебы).

Совсем недавно в предисловии к книге Геллнера «Слова и вещи» (1960), которая содержит в себе критику некоторых крайностей «лингвистического анализа», Рассел заявил, что один только языковый анализ не может удовлетворить философскую пытливость людей. Но разве сам он, Рассел, предложил людям взамен что-то существенно иное?

Что касается философии в ее историческом развитии, то, с точки зрения Рассела, философия занимала как бы «ничейную» область между наукой и теологией. При этом Рассел имеет в виду следующее: по мере расширения научного знания целый ряд проблем, которые раньше считались философскими, оказываются уже относящимися к специальным наукам и в них разрешимыми. Но возникают все новые и новые вопросы, на которые по-своему стремится ответить теология, порывающая с требованиями научности, и по-своему —

* *Russell B.* Our Knowledge of the External World. London, 1952. P. 190.

** *Ibid.* P. 240.

*** *Russell B.* The Analysis of Mind. London, 1924. P. 94.

философия, не рискующая с этими требованиями окончательно порвать. Таким образом, по мере исторического прогресса наук почва из-под философии выбивается, но она находит для себя каждый раз новую опору, что возможно, однако, только в силу склонности людей заменять строго научные ответы на вопросы, пока не поддающиеся научному разрешению, ответами, лишь претендующими на научность.

Если сведение Расселом математики к логике соответствовало свойственному ему отрицанию роли математики как науки о количественных и пространственных соотношениях объективного мира, а также характерному для Рассела начала XX в. стремлению придать формальной логике своего рода онтологические функции, то сведение философии к логике превращало философию в науку о формальных преобразованиях чувственного «материала» познания, что уже соответствовало идеям неопозитивизма.

Еще в «Principia Mathematica» английский философ придерживался идеи «логического атомизма», выдвинутой Л. Витгенштейном. Рассел рассматривал «мир» как символическое построение из разрозненных фактов, то есть в конечном счете ощущений субъекта, при помощи логического анализа. Путь последнего понимался при этом так: необходимо выявить наиболее простые (атомарные) факты и затем зафиксировать их в элементарных (атомарных) предложениях. Атомарные предложения могут быть определены как предложения, не имеющие частей, которые (т. е. части) сами были бы предложениями, и не содержащие в себе терминов «все» или «некоторые». На базе атомарных предложений конструируется затем путем использования формально-логических средств теоретическая часть науки.

Данная метафизическая и агностическая концепция науки и задач логического анализа, изображающая действительность как сочетание разрозненных и независимых друг от друга ощущений, которые фиксируются в предложениях, получила известность как философия «логического атомизма». Переход Рассела к «нейтральному монизму» отнюдь не перечеркнул предшествовавшей стадии его философского развития, но, наоборот, включил ее в себя.

Один из важнейших результатов современной математической логики Рассел видел в том, что она будто бы отбросила вопрос о существовании внешнего мира за пределы философии, заменив его вопросами о строении материала науки и значениях его элементов <...>

В каком смысле Рассел писал о взаимонезависимости атомарных фактов, а также о взаимонезависимости атомарных предложений по отношению друг к другу? Прежде всего в том смысле, в каком об этом рассуждал Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате»

те»: факты независимы друг от друга постольку, поскольку из существования одного факта формально-логически не выводится существование другого факта.

Если бы имелось в виду только сказанное, то тезис логического атомизма не означал бы ничего иного, кроме тривиальных положений о дискретности символических записей и независимости простых предложений друг от друга, а также несовпадении каузального и строго логического следования. Но этим дело не ограничивалось. Рассел, как и Витгенштейн, перенес концепцию логического атомизма на понимание самой действительности. Сам «материал науки», который Рассел считает «нейтральным», состоит, по его мнению, из неизменных атомарных элементов. Таким образом, Рассел *перенес на действительность*, распространил на нее те свойства, которые характерны для элементарной структуры формальной логики. Это было сугубо метафизическим решением.

Не следует, однако, полагать, будто Рассел совершенно не замечал относительности атомизации в логике и в области ощущений (явлений). Он допускал, что «события» (events), то есть «то, что случается со мной», имеют структуру и что, например, битва при Ватерлоо может рассматриваться в качестве простого события (occurrence), а с другой стороны, — в качестве очень сложного комплекса событий. Рассел высказал даже предположение, что атомарные факты, может быть, вытекают один из другого, «хотя это и кажется весьма сомнительным»*. Но это предположение не сыграло никакой заметной роли в философских построениях Рассела.

«Нейтральный монизм».

Проблема соотношения физики и психологии

К 1920–1930-м гг. относится учение Рассела о «нейтральном монизме». Это учение вырисовывается уже в его книге «Наше познание внешнего мира» (1914) и получило детальную разработку в двух книгах Рассела «Анализ духа» (1921) и «Анализ материи» (1927), а также в «Очерке философии» (1928). Именно в период увлечения «нейтральным монизмом» Рассел наиболее приблизился к идеям как махизма, так — в равной мере — и австрийского неопозитивизма. Однако именно в период «нейтрального монизма» Рассел не смог до конца быть верным неопозитивистскому и своему собственному принципу сведения философии к формально-логическому анализу.

В названных выше книгах Рассел утверждал, что понятия «материя» и «дух» представляют собой специфические логические про-

* Russell B. Our Knowledge of the External World. London, 1952. P. 62.

дукты, получаемые на базе чувственных данных. Рассел вначале определял материю как некий гипотетический «предел» чувственных данных, а впоследствии — как условно принимаемый в теории класс классов явлений чувственного восприятия. Но между первой и второй формулировками в сочинениях Рассела возник целый ряд промежуточных, и в конце концов он возвратился почти к первому определению.

Что касается истолкования понятий «дух» и «субъект», то Рассел уже в то время пошел по пути, указанному Д. Юмом и У. Джеймсом, истолковывая прообразы этих понятий всего лишь как относительно устойчивые «пучки» чувственных данных, или, согласно выражению Рассела, «ассамблею частных».

Книга Б. Рассела «Анализ материи» была написана им со специальной целью «интерпретировать физику в соответствии с нейтральным монизмом»*. Пути этой интерпретации Рассел представлял себе следующим образом: «Физика должна быть интерпретирована в направлении к идеализму, а восприятия — в направлении к материализму. Я верю, что материя менее материальна, а дух — менее духовен, чем это полагают, и если это учесть, то трудности, выявленные Беркли, исчезнут»**. Философская позиция, занятая Расселом в этой книге, отличалась, по его словам, от берклианства тем, что Беркли верил в то, что ему удалось доказать, что материи не существует, он же, Рассел, лишь считает, что «никому не удалось доказать существования материи»***. Но материализма в его книге нет.

В «Анализе материи» Рассел поставил перед собой задачу включить физику и психологию в состав одной и той же науки. Для решения этой задачи Рассел пытался убедить читателя в том, что слова «субстанция» и «вещь» служат, по своему основному значению, выражению «эмоции узнавания»****, подобно тому как слово «истина» соответствует эмоции удовлетворения при устранении чувства неожиданности.

Рассел придал своеобразный смысл понятиям «вещь», «объект», «материя». Но, как нетрудно увидеть, введенные Расселом истолкования лишь в частности отличаются от тех, которыми оперировали Э. Мах и его сподвижники. Термин «вещь» не пользуется почетом у Рассела, поскольку, как он неоднократно утверждал, наука имеет дело с «событиями» (явлениями), а не с «вещами». Под физическим «объектом» Рассел понимал в своей книге «выведенную из воспри-

* *Russell B. The Analysis of Matter. London, 1927. P. 141.*

** *Ibid. P. 7.*

*** *Ibid. P. 214.*

**** *Ibid. P. 151.*

ятий группу явлений (events), сгруппированную вокруг центра»*. Центр (или предел) этой группы есть лишь теоретическое допущение, некая «абстрактная возможность», заменяющая собой бывшее понятие субстанции. Под тем или иным фрагментом материи Рассел стал подразумевать «мировую линию» (line) или «шнур» (string), т. е. класс, или «серию явлений, связанных друг с другом определенным образом»** в пространстве и времени. В этом смысле он писал, что «“мировая линия” есть история фрагмента материи»***, тогда как последний есть «логическая структура, составленная из событий»****. Связь различных состояний этой логической структуры (для разных моментов времени t) в единую линию (историю) может рассматриваться, по Расселу, как каузальная линия.

Понятие причинности допускается Расселом как способ связывания явлений в одну цепочку и для феноменов человеческого сознания. «Что действительно известно, — писал Рассел, — это то, что наблюдаются некоторые постоянные отношения между членами групп явлений в некоторое время и что, если такие отношения оказываются ошибочными, как это иногда бывает, обычно бывает возможно открыть новое, более постоянное отношение, расширяя группу. Всякое такое постоянное отношение между явлениями специфического рода с определенными интервалами времени между ними есть “каузальный закон”»****. Смысл этих туманных и неопределенных формулировок делается несколько более понятным после следующего, близкого к кантианскому, выводу Рассела о законе причинности и вообще законах науки: «Нет необходимости принимать, что законы есть всюду; нужно только допустить, и это очевидно, поскольку это тавтология, что законы есть всюду, где есть наука»*****. Симпатии Рассела на стороне математически выразимых законов функциональной зависимости между явлениями, не претендующих на раскрытие более существенных отношений. Одновременно и критикуя понятие «необходимости» и сам же им пользуясь, например, при определении «образов» как следствий ощущений, Рассел воспроизвел в своем творчестве аналогичные противоречия и путаницу, имевшиеся в философии Юма.

«Анализ материи» заканчивается словами Б. Рассела о том, что различие между физическим и духовным «чисто внешне и нере-

* Ibid. P. 244.

** Ibid. P. 244. Употребляемый Расселом термин генетически восходит к термину «мировая точка» в теории физика Г. Минковского, объединяющей пространство и время в единый континуум.

*** Ibid. P. 317.

**** Ibid. P. 384.

***** Russell B. Our Knowledge of the External World. London, 1952. P. 230.

***** Russell B. The Analysis of Matter. London, 1927. P. 237.

ально», так что материал, из которого состоит действительность, «нейтрален». Но на протяжении всей книги английский философ всячески пытался свести физические объекты к «событиям», т. е. чувственным явлениям, или ощущениям. «Нейтральность» оказалась иллюзорной.

В книге «Анализ духа» (1921) Рассел обратил главное свое внимание на то, чтобы доказать вещественность психических процессов. Его замысел соответствовал неореалистическому «овеществлению» сознания и его содержания и опирался на извращенное истолкование факта относительности антитезы вещества и иных форм существования материи в современной физике, а также того несомненного факта, что психическое есть продукт материи. Рассел отнюдь не собирался доказывать материальность психического. Указанный замысел подсказывал Расселу использовать давно уже сложившуюся концепцию бихевиоризма, в особенности в той крайней ее разновидности, которая была связана с именем американского психолога Д. Уотсона и которая заменяла изучение психики изучением поведения человека в координатах пространства-времени. Те же мотивы появились у Айера и Райла.

Но тенденция бихевиоризма, в полной мере проявившаяся в «Анализе духа», немедленно вступила в противоречие со стремлением Рассела найти основу действительности в явлениях чувственного восприятия. Берклианско-юмистский сенсуализм поддавался более или менее гладкому сочетанию не с бихевиоризмом, но лишь с интроспекционистским анализом психики, т. е. с описанием ее состояний как таковых без попытки обнаружить их объективную подоплеку.

С другой стороны, отказ от бихевиоризма ставил Б. Рассела в трудное положение, поскольку выбивал почву из-под его мечтаний о теории «нейтральности» познаваемого в науках материала. На протяжении всего «Анализа духа» мы сможем обнаружить колебания Рассела между двумя противоположными способами трактовки психологии — бихевиористским и интроспекционистским. Оба они у него стоят на службе позитивизма, но он не смог привести их к теоретическому единству, хотя понимание «фактов» как состояний сознания познающего субъекта вело к истолкованию фактов поведения (как предмета бихевиористской психологии) в юмистско-махистском духе. В этом случае в философии Б. Рассела повторилось то же противоречие, что возникло ранее в философии У. Джеймса, на идеи которого он сам же, впрочем, часто ссылался в «Анализе духа», разделяя свои философские симпатии между американскими прагматистами и неореалистами.

Рассел то заявляет, что «сознание» — это только конвенционально вводимое грамматикой слово, которому в области поведения

не соответствует ничему реальному, то допускает этот термин для обозначения ощущений и образов воображения, составляющих некоторую группу.

В «Анализе духа» Рассел широко использовал введенные им еще в статье «Отношение чувственных данных к физике» (1914) несколько новых категорий, относящихся к интерпретации действительности. Он пишет о «частностях» (particulars), «перспективах» и «биографиях», которые все представляют собой различные условные группировки чувственных данных.

Под «частностями» Рассел понимает, как оказывается после долгих рассуждений, чувственные данные в том их виде, в каком их можно выделить, исходя из уровня знаний настоящего времени. Иными словами, это относительно окончательные элементы физической структуры. Как утверждал Рассел в статье «Составные части материи» (1915), «частности» могут классифицироваться (комбинироваться) по-разному. В одних случаях они комбинируются как *аспекты вещи*, т. е. аспекты данного с разных геометрических направлений *объекта*, причем под физическим «объектом» Рассел понимает серию явлений*. В других случаях «частности» комбинируются как биографии, то есть ряды последовательных во времени явлений разных объектов, сходящиеся в одном месте и образующие *перспективу*. Понятие «перспективы» Рассел считает психологическим, отождествляя с понятием личного мира; «частный» мир личности — это вся воспринимаемая ею «перспектива».

Велико ли различие между изложенной концепцией Рассела насчет двух — физического и психологического — способов комбинирования «частностей» и учением Э. Маха о разных способах рассмотрения «нейтральных элементов»? Различие это крайне незначительно. И Рассел, по сути дела, вслед за Махом (и столь же неудачно) попытался превратить все науки в ветви психологии ощущений с той, впрочем, разницей, что эта тенденция эклектически перекрещивается в его сочинениях с уже упомянутой другой — бихевиористской. Отсюда в «Анализе духа» появляются то критические замечания в адрес бихевиористов, отрицающих, например, существование образов воображения или же преуменьшающих их роль, то не менее критические замечания в адрес сторонников

* Вещь, или объект, по Расселу, есть класс явлений. Вещь не более реальна, чем «музыкальная партия тромбона» по отношению к отдельным нотам (Russell B. *Mysticism and logic*. London, 1932. P. 130). Через посредство понятия «аспект» Рассел определил «вещь» как серию «аспектов», подчиненную законам физики, и впал тем самым в ошибку логического круга, так как сам же рассматривал законы физики как условные конструкции на базе «аспектов».

субъективно-идеалистической версии интроспекционизма в понимании «значения». Под влиянием неореализма Рассел в довольно туманной форме говорит об отличии причинных связей в физике от подобных связей в психологии, но вопрос о причине этого отличия по существу оставляет без ответа.

Но сенсуалистский интроспекционизм все же возобладал. Рассел остался верен традициям Беркли и Юма. «Конечные составные элементы материи, — пишет он, — это не атомы или электроны, но ощущения и другие вещи, подобные ощущениям, как то протяжения и длительность <...> Я выдвигаю взгляд, что мысли, верования, желания, удовольствия, страдания и эмоции все построены только из ощущений и образов воображения, и есть основания полагать, что образы по своему внутреннему характеру не отличаются от ощущений»*. С юмовским сенсуализмом согласуется и утверждение Рассела, что «субъект, как бы то ни было, представляется логической фикцией, подобно математическим точкам и моментам»**.

В «Анализе духа» Рассел примкнул к юмовскому учению о «впечатлениях» и отказался от защищавшегося им ранее различия между чувственными данными (*sense-data*) и их ощущениями (*sensations*), причем в этом вопросе авторитет для него опять-таки У. Джеймс и американские неореалисты***. Рассел даже допустил, что образы воображения (юмовские «идеи») не отличаются в принципе от ощущений и есть лишь их разновидность. Рассел закончил свою книгу формулировками, утверждающими, что «ощущения суть в равной мере данные и для психологии и для физики»****, а материя — это «логическая фикция», позволяющая утверждать каузальные законы, причем в будущем, как надеется Рассел, удастся использовать каузальные законы непосредственно для упорядочения ощущений*****.

В некоторых предшествовавших «Анализу духа» статьях, как например, в «Отношении чувственных данных к физике», Б. Рассел оперировал гипотетическим понятием «сенсibiliи» (*sensibilia*), что означало чувственные данные, которые еще не ощущаются субъектом и играют роль объектов. «Поэтому отношение сенсibiliи к чувственным данным похоже на отношение мужчины к супругу: мужчина становится супругом, когда вступает в отношение брака; подобным образом сенсibiliи становятся чувственными данными,

* Ibid. P. 121.

** Ibid. P. 141.

*** Ibid. P. 143. «Я пришел к тому, что <...> считаю чувственные данные тождественными с ощущениями» (Ibid. P. 83).

**** Ibid. P. 297.

***** Ibid. P. 306.

вступая в отношение ознакомления (acquaintance)»*. Сами по себе сенсibiliи носят, по Расселу, физический или физиологический характер. Поскольку чувственные данные — это воспринимаемые сенсibiliи, оказывается непонятным, ради чего в той же статье Рассел пытался проводить некое принципиальное различие между чувственными данными и ощущениями как восприятиями (awareness) чувственных данных. Возникшая «трехэтажная» конструкция оказалась крайне шаткой и уже в «Анализе духа» была ее же автором подвергнута ревизии.

Большую роль в теории познания «нейтрального монизма» сыграло понятие логической конструкции, которое вообще «получило очень широкое применение в неопозитивизме. Оно отличается несколько от соответствующего ему понятия, которым оперировали махисты, а именно от понятия «сокращенный символ». Если, по Маху, атом есть сокращенный символ для описания относительно устойчивых групп ощущений ученых в лабораториях, то для Рассела и Поппера атом, электрон, нейтрон и т. д. есть теоретические конструкции, из которых дедуктивно выводимы следствия, подтверждаемые будущими ощущениями ученых в лабораториях. Иными словами, микрочастицы существуют только... в головах ученых. Таким же образом Рассел истолковывает понятия объективного пространства и времени, *не проводя* различия между разными видами конструкций по их объективному значению.

Таким образом, Рассел, используя идеи Лейбница о роли теории в формировании понятия пространства, близок в то же время и к Беркли. Он считал, что свое чувственное «частное» время и пространство есть у каждого субъекта и даже у каждого из его отдельных органов чувств. Система всех «частных» времен и пространств, складываясь воедино, создает общее пространство. Пространство и время как предметы исследования науки, по мнению Рассела, прямо ссылающегося в этом пункте на Беркли, лишены объективного существования. Тезисы о существовании чувственных данных у других субъектов он также отнес к числу конструкций**.

* *Russell B. Mysticism and Logic. London, 1932. P. 148–149.* «Ознакомление», по Расселу, это первая ступень познания, тогда как вторая — символизация признаков явлений («описание») с последующей логической обработкой символических записей.

** В своей обобщающей работе «Мое философское развитие» (1959) Рассел подчеркивает свою верность идее «логической (теоретической) конструкции» (*Russell B. My Philosophical Development. New York, 1959. P. 27, 139* и др.). Он солидаризуется также с учением Лейбница о том, что надо отличать личное пространство от каждой монады от физического пространства как теоретического синтеза всех ансамблей личных точек зрения.

Концепция «нейтрального» миропонимания как через Рассела, так и непосредственно от Маха и Авенариуса была заимствована философами «Венского кружка»*.

В книге «Исследование значений и истины» (1940) уже явственно обнаружился поворот Б. Рассела вновь к юмизму. Он писал в этой книге о том, что «факты», в отличие от «опыта», объективны. Если в 1914 г. он писал, что «сам факт объективен и независим от наших мыслей или мнений о факте»**, то в 1940 г. он вновь приходит к тому же выводу, но... никак не желает признать правоту материализма.

В одной из последних своих книг «Человеческое познание» (1948) Рассел в еще большей степени, чем ранее, подпал под влияние идей Юма. Он неоднократно пишет здесь о том, что необходимо принять внеэмпирическую «веру» в существование внешнего мира, без чего никакая наука невозможна. Впрочем, уже задолго до этой книги Рассел писал, например, в «Заключении» к «Аналізу материи», что восприятия, предположительно, имеют причины, не являющиеся сами восприятиями. Именно к этим идеям, осознав фиаско первой книги своего «Трактата о человеческой природе», приближался Д. Юм, что проявилось в его учении о морали и в «Очерках».

В книге «Человеческое познание» Рассел сформулировал ряд теоретико-познавательных *постулатов*, которые должны быть, по его мнению, добавлены к агностическому эмпиризму с целью, чтобы наука стала возможной. «Постулаты» Рассела — это некие априорные принципы, но чисто предположительно, лишь на веру принимаемые и в то же время задуманные им как некие общетеоретические основания «веры» в истинность научного знания.

Каковы же эти постулаты? На поверку оказывается, что это «последнее слово» философии Рассела не что иное, как новый вариант старых юмистских идей. Рассел считает, например, что поскольку принцип индукции не поддается строгому логическому обоснованию, его нужно принимать без критики, постулативно, как и принцип аналогии. Он считает далее, что поскольку наука не может обойтись без положения о непрерывном существовании во времени объектов своего исследования, то нужно принять так называемый постулат квазинепрерывности явлений, который должен заменить собой понятие субстанции, столь неприятное для Рассела. Постулат квазинепрерывности явлений гласит: «Если дано какое-либо

* О нейтральном монизме Б. Рассела см. подробнее в статье *Ходале-вич Д. А.* Критика «нейтрального монизма» Бертрана Рассела // «Критика современной буржуазной философии и ревизионизма». М., 1959. С. 199–253.

** *Russell B.* Our Knowledge of the External World. London, 1952. P. 61.

событие *A*, то очень часто случается, что» в любое близкое время в каком-либо соседнем месте имеется событие, очень сходное с *A*»*.

Иными словами, если мы в определенных условиях, в определенное время воспринимаем явление *A*, то нужно верить, что в аналогичных условиях в ближайший к прежнему момент времени это явление *A* продолжает существовать. Трудно придумать что-либо более тривиальное! И даже это тривиальное для Рассела... лишь предположительное. Так гора родила мышь. Избежать пропасти всеразъедающего скептицизма при помощи насквозь скептических оговорок не удалось.

Кроме того, Рассел предложил ввести в философию еще несколько юмистских по своему духу постулатов: принятия на веру существования независимых и непрерывных причинных линий, единства структур явлений и др.

Своего рода итогом философской эволюции Б. Рассела является книга «Мое философское развитие» (1959), в которой он, в частности, вступил в яростную полемику против последователей позднего Л. Витгенштейна, сторонников так называемого «лингвистического анализа» (Райл, Уиздом, Эрмсон, Остин и др.). Рассел справедливо разоблачает эпигонский и крохоборческий характер таких работ, как бихевиористская книга Г. Райла «Понятие духа», статьи Уорнока и Эрмсона и т. д. Эти философы отрицают всякое или почти всякое применение точного современного логического аппарата к философским проблемам, что, конечно, неверно, так что, выступая против подобных взглядов, Рассел прав. «Лингвистические аналитики» растворяют философию наглядно демонстрируя тем самым тупик, в который зашла современная английская буржуазная философия. Но на полемических заявлениях самого Рассела, как и на его книге в целом, лежит также печать эпигонства. Такой характер носит его словесный спор с Эрмсоном насчет пределов анализа и его критика в адрес Райла, с которым он сам же солидаризируется в отрицании материализма. Он не видит собственной своей близости к бихевиористской позиции Райла, которой, впрочем, на других страницах противоречит биологический психологизм Рассела.

Характерно, что в «Моем философском развитии» Рассел невольно признает фиаско своего прежнего скептицистского философствования, хотя во второй главе и заявляет о противоположном. Теперь Рассел пишет уже, что задача философии не сводится к логическому анализу языка, но состоит в том, чтобы «показать» путь, которым, хотя бы частично, можно прийти к научному знанию. В этой книге не однократно можно встретить противоречия, в которых безнадеж-

* Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957. С. 522.

но запутался Рассел. То он говорит, что то, что происходит, произошло бы, если бы и не было воспринимающих эти события субъектов, то вдруг сразу же оказывается, что «то», о котором рассуждает Рассел, это ощущения и ничего иного. Если ранее Рассел неоднократно, например, в «Анализе духа» и «Человеческом познании», утверждал, что значения предложений производим от значений слов, то теперь делает акцент на противоположных случаях. Все эти примеры можно умножить.

Престарелый буржуазный философ тоскует о красоте «идеального» мира логических абстракций, не знающего компромиссов печальной — для Рассела — гениальной действительности, но затем сам же вновь и вновь признает, что в наше время невозможно замкнуться в башню чистой теории и уйти от суровых фактов общественной жизни. «Одним из воздействий войны, — признается Рассел, — было то, что она сделала для меня невозможным продолжать жить в мире абстракций».

Социологические взгляды Рассела*

Остановимся вкратце на социологических воззрениях Рассела. На всем протяжении его философской эволюции деятельность Рассела как социолога развивалась в буржуазном направлении. Еще в 1896 г. вышла в свет его антимарксистская работа под названием «Германская социал-демократия». Среди сочинений Рассела на социологические темы наиболее примечательны: «Перспективы индустриальной цивилизации» (1923) и «Власть. Новый социальный анализ» (1938). Представления самого Рассела о социологических закономерностях общественной жизни соответствуют в общем психологической концепции, характерной для ряда течений в буржуазной социологии. Эти представления освещены частично в работах И. С. Кона о кризисе буржуазной философии истории. По мнению Рассела, общество движимо элементарными страстями индивидуумов, как то: стремлениями к приобретению, к власти, к удовольствиям и к славе. Рассуждения Рассела по этим вопросам нередко приближались к взглядам фрейдистов.

В одной из своих многочисленных социологических работ Рассел утверждал, что главное понятие в социальных науках — сила, власть, подобно тому, как энергия — главное понятие в естествознании. Власть (power) проявляется в многочисленных независимых друг от друга формах — военной, политической, пропагандистской и др.

* Этот раздел идет в исходном тексте, отделенный символами «* * *». Для цельности общей структуры очерка мы дали этому разделу наименование по первому предложению автора. — *Прим. науч. ред.*

Эта концепция Рассела перекликается с учением о множественности социальных факторов, а в силу своей крайней абстрактности позволяет самые различные истолкования.

Некоторое время Рассел примыкал к реформистской организации фабианцев, но, когда началась первая мировая империалистическая война, занялся пропагандой пацифизма, за что его, между прочим, в 1916 г. отстранили от преподавания в Кембриджском университете.

На протяжении всей своей общественно-политической деятельности Рассел оставался идеологом более или менее либеральных слоев английской буржуазии.

Он всегда отрицательно относился к христианству и в особенности к христианско-религиозной морали, порицал ее за ханжество и противопоставлял ей просветительскую мораль «науки и свободного разума». Эти взгляды Рассела хорошо известны советскому читателю по его недавно изданной у нас яркой и интересной брошюре «Почему я не христианин?» (1967).

Однако не нужно думать, что Рассел, заявляя о своем атеизме, действительно развивал философскую концепцию, в корне противоположную религии. Как и лидер «Венского кружка» Р. Карнап, Б. Рассел оправдывал религию, если ее понимать как совокупность эмоциональных переживаний личности, имеющих целью обеспечить желанный для человеческого сердца контакт с той скрытой сущностью мира, которая, по мнению Рассела, навсегда остается непознаваемой для науки и философии и о которой сигнализирует неистребимая «вера» в существование объективной действительности. В завуалированной форме эта концепция проявилась и в широко известной «Истории западной философии» Рассела.

В государстве и крупных монополиях Рассел видел силу, опасную для буржуазного индивидуалиста и его частной собственности. Рассел всегда отрицательно относился к революционной борьбе пролетариата. Расплывчатые идеи гильдейского социализма и расщепления государства на отдельные «ассоциации» — таков был предел положительной программы «эмпирического либерализма», как называл иногда Рассел свои социально-политические воззрения.

В настоящее время Рассел — активный борец за мир и за ядерное разоружение, противник третьей мировой войны. Хорошо понимая, как дальновидный ученый и патриот, что может принести ядерная война Англии, а также всему миру, Рассел перешел ныне от буржуазного антифашизма, характерного для его деятельности в годы второй мировой войны, к страстной борьбе против агрессивного империалистического милитаризма в разных формах последнего. Эта его деятельность в рядах движения за мир значительно способство-

вала увеличению популярности маститого английского мыслителя. Косвенно это сказалось и на известности Бертрана Рассела именно как философа, хотя уже и ранее Б. Рассел стал очень широко известен как общепризнанный лидер английской буржуазной философии XX в. Большой интерес общественности вызвала книга Рассела «Здравый смысл и ядерная война» (1959).

В своей последней книге под названием «Есть ли у человека будущее?» (1961) Бертран Рассел ставит решение этого вопроса в зависимость от того, насколько широкий, массовый размах примет борьба народов за мир. Страстная и смелая антивоенная деятельность Рассела, выходящая за рамки узкого пацифизма, вызвала к нему ненависть реакции. Английское правительство не остановилось перед тем, чтобы бросить Рассела (почти что в канун его девяностолетия!) в тюрьму, и продолжает и после выхода его на свободу чинить препятствия его честной и последовательной борьбе за мир. Бертран Рассел энергично и настойчиво разъясняет правильность политики мирного сосуществования двух мировых социально-политических систем (хотя отнюдь и не стал сторонником социализма и не изжил некоторых неверных представлений о советской внешней политике), выступил с компромиссными предложениями по берлинскому вопросу и делает все, что в его силах, дабы противодействовать военной истерии и безумной политике атомно-ядерного шантажа.

Советская общественность, хорошо зная Бертрана Рассела не только как философа-скептика, одного из наиболее видных представителей юмистской линии в философии, но и как крупного общественного деятеля нашего времени, главу Комитета борьбы за ядерное разоружение («Комитета 100»), относится с большим уважением и пониманием к его деятельности против опасности третьей мировой войны и высоко оценивает гражданское мужество выдающегося английского борца за мир.

